

УДК 94(571) «1850–1917»

Миграционная мобильность и адаптационный потенциал сибирских переселенцев второй половины XIX – начала XX вв. в свете теории социального импринтинга

М. К. Чуркин

Омский государственный педагогический университет, г. Омск

Процесс формирования миграционной мобильности переселенцев и их адаптации к новым обстоятельствам существования был сопряжен со значительными энергетическими затратами, создавшими основу для закрепления сформированного императива в форме социального импринтинга. Поведенческие стратегии мигрантов, ориентированные на «достижение успеха» в осваиваемом регионе, с точки зрения теории импринтинга, сводились к формированию абсолютно различных жизненных траекторий субъектов колонизации.

Ключевые слова: социальный импринтинг, миграционная мобильность, адаптация, Сибирь, аграрный кризис.

Тема массовых аграрных миграций в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. прочно встроена в историографическую канву осмысления причин, результатов и опыта отечественного колонизационного процесса. Вместе с тем в благородном деле изучения переселенческого движения в земледельческие местности Зауралья всегда обнаруживался некий схематизм, основы которого были заложены в XIX столетии непосредственными свидетелями и участниками переселенческого дела: экономистами, социологами, деятелями общественно-политического движения. Они видели в народных миграциях прежде всего проявление экономических девиаций в главной хозяйственной отрасли империи – земледелии. В исторической науке второй половины XIX и большей части XX вв. эта проблема обсуждалась и оценивалась в тесной связи с понятием «аграрный кризис».

По замечанию П. Грегори, «сила сложившегося в конце XIX в. консенсуса относительно аграрного «кризиса» является поистине впечатляющей, причем это убеждение до сих пор остается предметом веры среди историков» [8, с. 11]. Отечественные исследователи (Н. П. Макаров, Б. Д. Бруцкус, П. Б. Струве, Н. Н. Романов, А. А. Кауфман, П. Н. Милюков, П. Г. Рындзюнский, И. Д. Ковальченко, А. С. Нифонтов и др.) в целом единодушны, относя к общим условиям кризиса стремительный рост населения в пореформенную эпоху и процессы крестьянского малоземелья. Это приводило к вытеснению значительного объема населения на окраины страны, обладавшие

обширным земельным фондом. Досоветские подходы к оценке переселенческого движения были законсервированы в советской историографии, и вплоть до 1990-х гг. продолжалось триумфальное шествие экономического детерминизма.

Сейчас наметился разрыв со старой традицией, следствием чего стало признание исследователями многофакторности в определении причин, хода и результатов массовых миграций. Расширился круг работ, посвященных роли природно-географической составляющей переселенческого процесса и анализу демографических и социально-психологических обстоятельств [10].

Научная рефлексия историков по поводу проблемы формирования миграционных побуждений в крестьянской среде непременно должна сочетаться с опорой на теоретические достижения в социальной психологии, этно-психологии, этологии, психофизиологии. Ведь в принятии решений о переселениях и в определении стратегий поведения на новом месте далеко не последнюю функцию выполняли эмоционально-психологические структуры личности, находившие выражение в особенностях темперамента, внимания, памяти, восприятия информации.

Нами и ранее предпринимались попытки выявления причин миграционной мобильности крестьянства с точки зрения теорий психологической науки. Процесс переселенческого движения рассматривался в контекстных рамках теории адаптации [14], а подготовка к миграции и непосредственно сама миграция – в рамках теории принятия решений, связанных с риском [15, с. 65–77].

В данной статье проблемы миграции оцениваются с позиций теории импринтинга. Явление импринтинга было открыто в 1936 г. Конрадом Лоренцом в результате этологических наблюдений. Понятие «импринтинг» означало «запечатление» животными первого подходящего встреченного объекта в качестве биологически значимого для поведения. Социальный импринтинг – это феномен возникновения, развития и проявления способностей и программ жизнедеятельности человека, заключающийся в том, что в определенные периоды существования человека активизируются его способности к их переформированию [4, с. 38–45]. Современные исследователи признают, что характерной чертой импринтного поведения является образование чрезвычайно устойчивых следов в психике после однократного переживания. Импринтинг представляет собой форму очень быстрого и стойкого научения человека в ситуациях, связанных с выраженным нервно-эмоциональным напряжением [1, с. 880].

Переселенческое движение в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. являлось типично критической ситуацией, характеризовавшейся частыми проявлениями нерациональных действий консолидировавшихся групп крестьянства, в рамках которых формировались устойчивые социально-психологические стереотипы поведения, определившие высокую степень миграционной мобильности значительной части сельского населения Европейской России.

Результаты индивидуальных и коллективных производственных усилий земледельцев Европейской России были слабо коррелированы с непосредственно трудовыми затратами. Спонтанность природных процессов, частые стихийные бедствия, нарушение привычного, устоявшегося уклада жизни и порядка производственной деятельности, эскалация конфликтных ситуаций являлись для крестьянских хозяйств во второй половине XIX – начале XX вв. своеобразными генераторами неопределенности, способствовали формированию у сельского населения региона кризисного, «измененного» сознания.

В теории социального импринтинга подобные ситуации маркируются как «моменты импринтной уязвимости», когда индивид теряет способность сопротивляться внешним установкам. В такие моменты у человека возникает значительный дефицит энергии, обусловленный ослаблением психической защиты. В его сознание активно проникают внешние информационные воздействия, ответственные за формирование новых поведенческих установок [1, с. 881].

Исследователям переселенческого движения хорошо известны сюжеты, иллюстрирующие реакцию крестьянской массы, поставленной в критические жизненные обстоятельства, на подобные внешние импульсы. Функцию таких внешних раздражителей выполняли харизматические лидеры-«провокаторы» и своеобразные «застрельщики» переселений, ходоки, да и просто ранее переселившиеся родственники, «бомбардирующие» письмами оставшихся на родине близких [5, л. 113]. В крестьянской среде, где люди много контактировали между собой, очень быстро происходило первичное «запечатление» (импринтинг) образа лидера, вождя. Этот лидерский тип точно охарактеризовал С. П. Швецов: «Серьезный, умный, дельный мужик, ... который знает на память все железнодорожные станции и переселенческие участки» [16, с. 31]. Активная жизненная позиция и непреклонная уверенность в собственных силах укрепляли лидерский авторитет, способствовали вовлечению в переселенческое движение большого количества крестьян. Опрос 3605 переселенцев, перебравшихся из черноземных местностей Европейской России в Томскую губернию в 1887–1888 гг., показал, что треть из них в своих действиях (от принятия решения о переселении до обустройства и водворения) руководствовалась советами ходоков [16, с. 30–31].

Ситуация импринтной уязвимости сельского населения наглядно подтверждается и статистическими выкладками. Опросы в пунктах скопления переселенцев в Западной Сибири показали, что в целом по Европейской России во второй половине XIX – начале XX вв. более половины земледельцев руководствовались в принятии решений сомнительными источниками информации о Сибири, формируя свои представления о ней из слухов и субъективных письменных свидетельств бывших односельчан и родственников [11, с. 73]. В губерниях черноземного центра процент крестьян, отправившихся переселяться «по слухам», составлял абсолютное большинство и достигал 65–75 % от числа всех прошедших через переселенческие пункты [13, с. 86].

Важнейшим фактором, на наш взгляд, здесь является действительно утраченная крестьянами способность сопротивляться внешним императивам, которые фиксировались в сознании в качестве новой поведенческой установки. Укоренившиеся в сознании крестьян убеждения необходимости переселения были окончательными и бесповоротными. Внутрисемейные раздоры, инициируемые женщинами, менее всего склонными к отрыву от домашнего очага, встречавшими принятое обществом решение о переселении криками: «Не дайте умереть мне в Окияне и Иртыше!», – решались «вероломными» способами. Мужья заявляли женам: «Если кто не поедет с мужем добром, то после будут гнать этапом, а гнать будут не так, как стражников, а в темных закрытых вагонах; и не прямо повезут к мужу на место, а будут, будто, возить более года по российским городам, пока не соберут всех таких, кто не поехал добросовестно с мужем одновременно...» [2, с. 5]. Доводы правительственных чиновников, аргументы представителей общественности, предупреждения о различных трудностях пути и водворения, публикуемые в справочных книгах и прессе, уже не могли ничего изменить в крестьянском настроении на переселение.

Теория импринтинга может быть весьма продуктивной в рассмотрении природы крестьянских миграций в связи с концепцией селективного отбора преадаптированных личностей в популяции. Доказано, что в миграционном потоке у индивидов обнаруживается различная степень включенности в переработку новой информации, характеризующаяся как логико-вербальными, так и пространственно-образными реакциями на сложившуюся ситуацию. Ф. Б. Березину удалось установить, что в мобильных популяциях в период первичной адаптации выделяются три группы, удельный вес которых значительно выше, чем в стабильных популяциях [3, с. 149–150]. Опираясь на такой подход, можно выявить несколько типов переселенцев, обладающих различным уровнем адаптационной готовности и способности к преодолению адаптивных барьеров с точки зрения теории импринтинга.

1. *Аффективно-ригидные личности*, миграция которых опиралась на ясные представления о недостатках и достоинствах прежнего и нового регионов. Комплексные опросы переселенцев из губерний черноземного центра, подкрепленные всесторонним изучением их имущественного и бытового положения в местах исхода, показали, что такие люди отчетливо представляли себе не только причины своих экономических затруднений (малоземелье, увеличение плотности населения), но и располагали достаточными ресурсами для переселения, а также достоверными сведениями о регионе предстоящего вселения. Хорошо иллюстрирует это сообщение губернатору Малоархангельского уездного съезда Орловской губернии. Из документа следует, что 11 из 12 домохозяев, ходатайствующих о переселении, «уже посылали ходочков в Алтайский округ, которые отыскивали место для поселка и произвели посев, а также распродали имущество на родине, выручив достаточно средств на обзаведение и устройство хозяйства на месте переселения» [6, Л. 41–42 об.].

Видный переселенческий чиновник А. А. Чарушин писал о переселенцах из Курской губернии в Мариинский округ Томской губернии: «Курские переселенцы, за малым исключением, пришли на участок со своими средствами, устроились и в настоящее время обладают продовольственными средствами вполне достаточными. Из 28 семей в этом поселке 27 имеют свои дома, 86 штук рабочего и рогатого скота, засеяли под озимые 15 десятин земли, заготовили сена больше, чем требуется для прокормления скотины» [7, Л. 105]. Еще за два года до переселения они посылали ходоков для осмотра земли, планомерно распродавали имущество, в результате чего выручили в среднем от 350 до 400 руб. на семью, что и позволило большинству домохозяев сразу встать на ноги в регионе водворения [12, с. 116].

Переселенцы этого типа сохраняли на всех этапах адаптации первоначальные представления о регионе вселения, основанные на реальном знании о его преимуществах и недостатках. Их подготовленность к миграции способствовала относительно быстрому и безболезненному преодолению адаптивных барьеров. В сознании данной группы мигрантов, таким образом, был зафиксирован «трудовой» импринт, ставший основополагающим элементом жизненных и производственных стратегий, определивших в дальнейшем «траекторию успеха».

2. *Гипертимные личности*, миграционное поведение которых было вызвано их природной активностью, стремлением к побуждающим ситуациям, высокой мобильностью и склонностью к оптимизму при оценке перспектив. Мобильность, способность легко войти в новую ситуацию, высокий энергетический потенциал значительно облегчали им эффективную адаптацию в условиях Сибири. Однако те же психологические черты и постоянная потребность в побуждающих ситуациях стимулировали их частые внутрирегиональные миграции. Об этом типе переселенцев имеется масса свидетельств в отчетах и аналитических материалах переселенческих чиновников.

Представитель тобольского губернского совета по крестьянским делам в отчете на имя губернатора об осуществлении выдачи ссуд на «домообзаводство» крестьянам-переселенцам за 1894 г. сообщал, «что он не имеет возможности выдать таковые многим семьям ввиду их нахождения в неизвестной отлучке» [9, Л. 7–8]. Чиновник по крестьянским делам Спасского участка Каинского округа докладывал в МВД по поводу прошения курских переселенцев о пособии, что оказать вспомоществование не представляется возможным, так как многих либо нет на месте, либо они могут в ближайшее время «выбыть в другие места» [9, Л. 7–8]. А. А. Кауфман отмечал, что из четырех округов Тобольской губернии за 1888 – 1890 гг. выбыло по неизвестным причинам в другие местности Сибири 12 семей переселенцев из черноземных областей Европейской России [8, с. 122].

О таких крестьянах С. П. Швецов писал, что «им свойственно с легкостью бросать насиженное место и безо всяких причин менять его на новое, часто гораздо худшее» [16, с. 324]. Воронежские переселенцы Шишкин и Верещагин, отягощенные большими семьями, встав в Сибири на ноги, занялись

купеческим делом и вновь переселились. Крестьянин Никита Баранников перед уходом из деревни Змеево Алтайского округа Томской губернии имел 15 пар волов, до 20 рабочих лошадей, до 50 голов молочного скота, 150–200 овец. Через 8 лет он переселился в Павлодар, где, по слухам, обеднел и снова задумал перебраться куда-нибудь [5, Л. 1–15].

В описанном случае отчетливо прослеживается импринт «неукорененности», «беспочвенности», что обуславливает особую стратегию адаптивного поведения, в основе которой зафиксирована идея «бродяжничества», перманентной миграции.

3. *Деадаптивный тип* представлен людьми, поведение которых определялось недостаточной способностью соблюдать принятые в новом окружении правила и нормы, учитывать при построении поведения собственный негативный опыт. Также для них характерна склонность к немедленной реализации побуждений в непосредственном поведении. Основной причиной миграции в этой группе были предшествовавшие переселению нарушения социально-психологической адаптации, выразившиеся в недостаточно успешной деятельности, в неспособности к адекватной организации межличностных отношений в коллективе.

Значительный пласт потенциальных «неудачников» был представлен крестьянами, шедшими в Сибирь самовольно, поскольку уже сам по себе факт нелегитимной миграции часто являлся признаком наличия внешнего или внутреннего конфликта. Группа семей, самовольных переселенцев из Воронежской и Курской губерний, ходатайствуя об устройстве в Алтайском горном округе, описывала свое положение как «крайне безвыходное», объясняя сложившуюся ситуацию тем, что «распродали все имущество на родине, а средства полностью истратили на переезд» [7, Л. 89–90].

Отсутствие материальных возможностей, четкой стратегии и ясных представлений о том, за счет каких ресурсов могут быть достигнуты позитивные результаты водворения на новом месте, существенно ограничивало адаптационные перспективы людей данного типа. Уйдя из родных мест «воровски, убегом», т. е. через конфликт, переселенец и в новом регионе оказывался в конфликтной ситуации: на земельное обеспечение он мог рассчитывать только при наличии свободных долей, ссудные мероприятия правительства касались его в исключительных случаях, льготы на данную категорию лиц практически не распространялись.

Вследствие названных выше причин этот тип мигрантов имел крайне ограниченные адаптационные возможности и в результате быстрыми темпами элиминировался из социальной среды колонизируемого региона. Здесь мы сталкиваемся со своеобразным «катастрофическим» импринтом, согласно которому выстраиваются и поведенческие стратегии, направленные на элементарное биологическое выживание группы.

Симптоматично, что все три импринта сформировались случайно, в зависимости от начальных условий адаптации. Общим здесь является то, что процесс приспособления к новым обстоятельствам существования был со-

пряжен со значительными затратами энергии, создававшими и энергетическую основу для закрепления сформированного императива в форме импринтинга. Во всех трех случаях поведенческие стратегии мигрантов выстраивались в соответствии с базовым импринтом «достижения успеха» в колониальном регионе, сформировавшем на выходе различные жизненные траектории субъектов колонизации.

Таким образом, привлечение к исследованию различных аспектов миграций теории социального импринтинга позволяет по-новому оценить феномен лидерства в переселенческом движении, обнаружить действенные механизмы формирования миграционных настроений и миграционного сознания в крестьянском социуме.

1. Балацкий Е. В. Вспомогательные импринты и поведение человека // Вестн. Рос. академии наук. – 2007. – Т. 77, № 10.
2. Беляков И. Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. – 1899. – № 3.
3. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. – Л., 1988.
4. Бушуев В. С. Учет феномена социального импринтинга при создании организаций и регулировании коммуникаций // Организации. Среда. Коммуникации : сб. науч. тр. / СПбГЭТУ. – СПб., 1996.
5. Государственный архив Воронежской области. Ф. 26. Оп. 31. Д. 57.
6. Государственный архив Орловской области. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53.
7. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 44. Д. 128.
8. Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем // Экономическая история. Ежегодник. 2000. – М., 2002.
9. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 332. Оп. 1. Д. 158.
10. Зверев В. А. Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. – Новосибирск, 1993.
11. Скобелев К. В. Формирование менталитета сибирского крестьянства в эпоху капитализма (1861–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К. В. Скобелев. – Омск, 2002.
12. Исаев А. А. Переселения в русском народном хозяйстве / А. А. Исаев. – СПб., 1891.
13. Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии / А. А. Кауфман. – СПб., 1896. – Т. 1, ч. 1.
14. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, составленный под руководством Г. А. Приймака. – М., 1899.
15. Чуркин М. К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации / М. К. Чуркин. – Омск, 2006.
16. Чуркин М. К. «Ситуация риска» как фактор формирования и реализации миграционного потенциала сельскохозяйственного населения Европейской России во второй половине XIX – начале XX вв. // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск, 2010.
17. Швецов С. П. Переселенческое движение на Алтай // Северный вестн. – 1891. – № 7.

Migration Mobility and Adaptive Potential of the Siberian Settlers in the Second half of the XIXth – the Early XXth C. according to the Theory of Imprinting

M. K. Churkin

Omsk State Pedagogical University, Omsk

The process of formation of the settlers' migration mobility and potential to adapt to the new life conditions entailed great energy loss, due to it the form of social imprinting was consolidate. According to the theory of imprinting, the migrants' behavioral strategies oriented toward “progress” in a developing region came to the formation of absolutely different life trajectories of the colonization subjects.

Key words: social imprinting, migration mobility, adaptation, Siberia, agrarian crisis.

Чуркин Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, 644099, г. Омск, ул. Партизанская, 4 а, тел. 8(3812)232562, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Churkin Mikhail Konstantinovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, the Omsk State Pedagogical University, 644099, Omsk, Partizanskaya St. 4 a, 8(3812)232562, e-mail: proffchurkin@yandex.ru